

Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси...

И многие последуют их разврату...

И из любостяжания будут уловлять вас льстивыми словами...

Второе Петра, 2:1–2:3.

Ходили в мире лже-Мессии, –
Я не прельстился, угадал,
Что блуд и срам их в литургии
И речь – бряцающий кимвал.

Своекорыстные пророки,
Лжецы и скудные умы!
Звезда, что будет на востоке,
Еще среди глубокой тьмы...

И.А. Бунин.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из серьезнейших проблем, с которой столкнулось общество в последние десятилетия, является активная и порой очень “успешная” деятельность так называемых тоталитарных сект.

Попытки правового регулирования их деятельности (запрет, ограничение и др.) наталкиваются на большие трудности. Вопреки распространенным мифам, вокруг поселений сектантов вы не найдете ни колючей проволоки, ни вооруженной охраны. Во многих случаях в этих культурах отсутствует харизматический лидер, чьи чары заставляли бы молодежь (ибо зачастую именно молодые люди, люди с ослабленными социальными связями, оказываются жертвами подобного психологического насилия) менять образ жизни. Более того, в ряде случаев члены секты практически лишены возможности личного контакта с лидером (например, Церковь объединения, “мунисты”). Новообращенные члены сект во многих случаях ничем не напоминают зомби. В подавляющем большинстве случаев не используется массовый гипноз. В действительности методы психологического воздействия, с помощью которых происходит стремительное и долговременное обращение в новую веру – это нормальные методы психологического воздействия, позволяющие достигать высокой эффективности за счет их комбинированного использования.

Ярким примером возникающих тяжелых проблем при попытке правового регулирования деятельности сект является работа над соответствующим законопроектом во Франции [1]. Ориентация на частные признаки, характеризующие асоциальный характер деятельности сект вызвала бурные протесты представителей не только сект, но и традиционных конфессий.

Это становится понятным, если учесть распространенность точки зрения, что для решения вопроса о принадлежности к секте достаточно наличия одного из десяти признаков:

- дестабилизация сознания;
- непомерные финансовые притязания (поборы);
- навязывание разрыва с прежним окружением;
- покушения на физическое здоровье;
- вербовка детей;
- антиобщественные высказывания;
- нарушения общественного порядка;
- привлечение к суду или следствию по серьезным обвинениям;
- нарушение норм экономической деятельности (утаивание средств);
- попытки проникновения во властные структуры.

Негативность для личности и общества деятельности сект, видимо, следует искать не в проявлении отдельных признаков или использовании отдельных методов, а в целом, в комплексных технологиях ими используемыми. Это позволит более обоснованно представить направленность такого рода деятельности на ограничение свободы личности и формирование у нее особого рода психосоциальной зависимости от сект.

В данной работе дано обобщенное целостное представление методов психологического воздействия, используемых в культовых организациях, в том числе и в тоталитарных сектах. С этой целью рассматриваются типовые механизмы, используемые в их деятельности. Представляется, что такой подход позволит сделать шаг на пути совершенствования этических и правовых норм регулирования деятельности культовых организаций.

В работе также предпринимается попытка анализа выделенных методов психологического воздействия, с точки зрения теории морального выбора В.А. Лефевра. Думается, что такой подход может оказаться плодотворным для понимания базовых рефлексивных процессов, на которые направлено подобное воздействие, а также поможет выявить эффективные психосоциальные технологии (выход и реабилитация) для оказания помощи лицам, попавшим под деструктивное влияние тоталитарных сект.

АНАЛИЗ БАЗОВЫХ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В УПРАВЛЕНИИ ФОРМОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТОТАЛИТАРНЫХ СЕКТАХ

В психологии выделяют [7] два способа существования человека как субъекта жизнедеятельности. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек (его можно назвать “реактивным” способом существования). Второй связан с появлением рефлексии. Сознание выступает как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней (“рефлексивный” способ существования).

С учетом двух способов существования человека как субъекта жизнедеятельности, рассмотрим два крайних варианта организации перехода человека на новую форму жизнедеятельности. При этом будем исходить из того, что в этих

процессах активно участвуют лица, содействующие (управляющие) переходу конкретного человека на новую форму жизнедеятельности.

Вариант 1. *“Схема развития”*. В общих чертах включает следующие процедуры:

– *“Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности”* – состояние готовности к принятию новых форм жизнедеятельности. Человек или сам приходит к осознанию того, что надо что-то менять и как-то жить иначе, или ему оказывают в этом помощь.

– *“Актуализация рефлексии”*, как единственной возможности самому создать, осознанно выбрать новую форму жизнедеятельности, а также организовать процесс перехода к ней. Помощь извне в данной процедуре крайне важна, ибо совершить, как иногда говорят, *“рефлексивный выход”* за пределы своей жизнедеятельности, сделать ее объектом исследования и соотнести с новой формой – весьма сложные процессы, требующие иных, чем для осуществления рутинной жизни, методов и средств.

– *“Рефлексивная кооперация”* – поддержка человека, совершившего *“рефлексивный выход”* за пределы сложившейся жизнедеятельности в новую позицию. Такого рода помощь определяет основу современных представлений гуманистической психологии. Это находит свое отражение в психотерапии, в организационном развитии [10], в развитии деятельности на основе новых информационных технологий [4], в организации политической деятельности, в управленческом консультировании и других видах поддержки человека. В этих подходах ведущая ориентация – обеспечение свободы личности, а не *“навязывание”* человеку внешних советов и рекомендаций [4,10].

При использовании *“схемы развития”* человек является подлинным субъектом развития своей жизнедеятельности; он развивается, ибо процедура актуализации рефлексии либо провоцирует переход с реактивного способа жизнедеятельности на рефлексивный, либо закрепляет рефлексивный способ жизнедеятельности, оснащая человека новыми средствами более эффективной работы.

Вариант 2. *“Схема рефлексивного программирования”*. В общих чертах включает следующие процедуры:

– *“Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности”* (аналогично Варианту 1.).

– *“Рефлексивная блокада”* – блокировка *“несанкционированных”* кем-то рефлексивных процессов, фактически, лишение человека возможности самостоятельно осуществлять осознанное создание или выбор новой формы жизнедеятельности.

– *“Социальная изоляция”* – блокировка *“несанкционированных”* кем-то информационно-психологических воздействий социального окружения, фактически, лишение возможности влияния на процессы создания или выбора новой формы жизнедеятельности ближайшего социального окружения человека (семьи, друзей, коллег и др.).

– *“Рефлексивное программирование”* – навязывание человеку заранее predetermined кем-то представлений, точек зрения, позиций, мнений и

других психических образований с целью сформировать осознанное принятие предлагаемой нормы жизнедеятельности. Этот «кто-то» – руководитель секты или авторитетный наставник – ставит целью достижение полного контроля над сознанием.

Существенные различия в ориентации схем развития и рефлексивного программирования иллюстрируются в приведенной ниже таблице.

*Принципиальные различия схемы развития
и схемы рефлексивного программирования*

Аспекты сравнения	Схема развития	Схема рефлексивного программирования
Ориентация на способ жизнедеятельности человека	Ориентация на рефлексивный способ жизнедеятельности человека.	Ориентация на реактивный способ жизнедеятельности человека.
Отношение к субъекту	Ориентация на сохранение и формирование "субъектности" человека, отказ от манипулирования человеком. Доминанта индивидуального субъекта над групповым субъектом.	Ориентация на превращение субъекта в объект управления. Ведущая роль социализации к нормам сект. Доминанта группового субъекта над индивидуальным субъектом.
Действия в конкретных ситуациях жизнедеятельности	Ориентация на самостоятельные действия в любых ситуациях жизнедеятельности (проблемный подход).	Ориентация на шаблонные (заранее предписанные) действия в типовых ситуациях жизнедеятельности и обязательное обращение к помощи ведущих представителей сект в нестандартных ситуациях.
Ведущая направленность психологических воздействий	Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов.	Блокировка рефлексии; блокировка социальных контактов (вне секты); рефлексивное программирование, процесс обучения, усвоения идей строится на эмоциональном принятии без критического анализа.
Структура управления	Гибкая, "горизонтальная" структура управления.	Жесткая, "вертикальная" иерархическая структура управления.
Базовые знания.	Процедурные.	Предметные.
Подготовка субъектов к жизнедеятельности	Формирование базовых качеств для самостоятельной организации своей жизнедеятельности.	Обучение знаниям, навыкам и умениям для использования нормативных представлений и методов сект.

При использовании "Схемы рефлексивного программирования" человек превращается в объект управления. Процедуры "Рефлексивной блокады", "Социальной изоляции" и "Рефлексивного программирования" способствуют закреплению "реактивного способа жизнедеятельности" и никоим образом не

способствуют развитию личности. Эта процедура явно ограничивает свободу личности.

Основным средством достижения своих целей для любой тоталитарной секты является навязывание ее членам определенной формы жизнедеятельности, считающейся нормой для последователей определенного религиозного культа. Только в таком случае достижимо беспрекословное подчинение и организация традиционных для тоталитарных сект форм бизнеса.

Наше утверждение состоит в том, что *в тоталитарных сектах используется только схема рефлексивного программирования.*

К сожалению, на сегодняшний день психологи не разделяют проблематики психологии религии и психологии тоталитарных сект. [19] Смешение этих двух понятий приводит к трудностям как правового регулирования, так и разработки эффективных психотехнологий для реабилитации лиц, попавших под деструктивное влияние псевдорелигиозных организаций.

Психологический портрет тоталитарной секты хорошо освещен начальником Регионального управления министерства по делам печати и СМИ Александром Пермяковым. [20] Он справедливо замечает, что сектантом, по своему психическому и духовному состоянию, может быть не только член деструктивного культа, но даже человек, посещающий православный храм. Это состояние отличает ограниченность мирозерцания, отсутствие здоровой логики и критического осмысления бытия, опьянение чувственностью. Такой человек – потенциальная жертва тоталитарных сект. Поэтому борьба с сектами должна сводиться к борьбе с человеческой ограниченностью и самодостаточностью, к восстановлению человеческого достоинства людей, попавших в секту.

А. Пермяков формулирует четыре принципа вербовки в секту:

1. Удовлетворение самодостаточности. Секта формирует такую идеологию, которая помогает человеку обрести "полноту жизни", глубоко (на уровне подсознания) насыщая его *потребность к самодостаточности*. На практике это происходит так: человеку, попавшему к сектантам, помогают поверить в себя, самоутвердиться. Ему внушают, что все, что вокруг него происходит, устроено специально для него. Именно его ждали с нетерпением, он – "гвоздь программы" и источник всеобщей радости. Он любим и уважаем. Ради него здесь любой отдаст жизнь. В такой обстановке человек легко теряет голову: "Здесь меня любят, обо мне заботятся, здесь я ценность, там я никто". Я, мне, меня, себе, – человек наслаждается собственной значимостью.

2. Метод повышения притязаний. Уровень притязаний, обусловленный самостью человека, может меняться, что зависит от множества факторов. Притязания людей могут меняться с возрастом и различны у всех людей: у кого-то больше, у кого-то меньше.

Самоутверждение требует опоры в качестве различных установок. Установки могут быть социальными: "у меня есть серьезные убеждения", "я понял истину", "я – апостол", и функциональными: "быть неунывающим и деятельным – хорошо, остальное – плохо", "неважно, что используется непроверенная

информация, главное – искренность и верность". Эти установки нуждаются в углублении и закреплении.

Человек либо достигает этого своим умом, набираясь знания и опыта, либо он просто верит мнению своих единомышленников. Тоталитарные секты практикуют второй способ. Они разрушают прежние установки, напористо критикуя нынешнее ложное и бесперспективное положение того, кто к ним пришел, а затем, уничтожив самооценку человека, возводят новую самооценку, вооружая его своими установками. Секта постоянно поддерживает у своих адептов иллюзию их собственной значимости как членов общества. И вот новоиспеченные сектанты и сектантки, сначала еще немного сомневаясь, постепенно "расцветают" и начинают жить "новой жизнью".

Притязания поднялись! Однако для поддержания их человек должен каждый день слышать, что он прав. Тогда внутренний "карточный домик" его фантазий может простоять весьма долго. Старая жизнь (прежние притязания) растворилась в небытии. Новая жизнь требует постоянного подтверждения со стороны "собратьев". Человек ставится в прямую зависимость от секты, что и является фундаментальным условием контроля над личностью со стороны деструктивного культа. Практически человек не может самостоятельно избавиться от влияния секты, это чревато потерей душевного равновесия и тяжелым душевным стрессом. Ему, как правило, необходима психологическая помощь.

3. Ответ на религиозную потребность. Человек живет в суете. Он служит то одному, то другому, то третьему. Но вот однажды наступает момент, когда мирские ценности перестают казаться ему значительными и незыблемыми. Он вдруг чувствует сердцем тщетность и хаотичность этого мира. Он ищет гармонии и порядка. В нем просыпается желание служить добру и вечному. Он жаждет бескорыстного служения. И вот встреча с сектантами, случайная или преднамеренная, ложится на подготовленную почву. Секта подтверждает гибельность существующей системы вещей, дает огромный простор для служения ее идеалам. Она пунктуально и методично выстраивает жизнь нового адепта в соответствии со своей внутренней дисциплиной. Жизнь его действительно упорядочивается. Все его "высокие" потребности удовлетворяются достаточно дешевым способом. Он включается в круговорот каких-то дел и событий, на которые навешаны ярлыки: "радость", "любовь", "дружба", "самосовершенствование", "праведность", "спасение" и т.д. Неважно, что это только ярлыки, а поименованное может и не существовать в действительности. Когда обман начнет раскрываться, человек, как правило, уже бывает вовлечен в иерархию *самодостаточности*, создаваемую сектой. К этому времени он уже усвоит себе *суперпритязания* и будет жить воображаемым как реальным. Сектант действительно начинает полагать, что он самосовершенствуется. Только если реальные чувства есть наша реакция на внешние "раздражения", то эмоциональная (страстная) чувственность есть реакция человеческого сердца на его же воображение. Она всегда живет мечтами, иллюзиями, фантазиями – всем выдуманым как реальным.

4. Метод идеи фикс. Сектантская идеология – это эклектика фикс идей, из которых лепится образ эдакого вездесущего духовного супермена. Это рекламный символ секты. Однако на самом деле через такое удовлетворение своей потребности в признании в своем “жертвенном” служении некой высокой идее, а, фактически, через отторжение ближнего, человек идет к “высшему посвящению”, “высшей истине”, “духовности”. Отождествляя себя с этой идеей, он попадает в ловушку банального тщеславия, скрывая от самого себя истинные мотивы своей “добродетели”.

Таким образом, секта в своем отношении к личности считает, что человек по своей природе, прежде всего – *потребитель*. Его нужды весьма разнообразны. Нужды обуславливают стремления людей. Есть стремления грубые, примитивные, а есть более тонкие, как, например, стремление к самобытности. Никто и ничто не доставит человеку чувства “полноты жизни”, если не будет насыщена эта страсть, что определяется ощущением монументальной самодостаточности. И каждый принцип является одним из средств, направленных на быстрое и легкое удовлетворение этой лежащей в основе почти всех человеческих стремлений самодостаточности, стремления к самоутверждению.

И вот от вербуемого (которому навязывается точка зрения, в соответствии с которой, став членом секты, можно решить все личные проблемы, найти особый путь к успеху, организовать истинно достойную жизнь) человека не требуется практически никаких личных, “свободных” усилий, только выполнение определенных правил, считающихся нормой для последователей данного культа.

Здесь не идет речи об *осознанных* действиях, о волевых усилиях человека. *Нормой*, навязываемой адептам, является необдуманное выполнение каких-либо упражнений при непременном расслаблении ума и воли, некритичное принятие навязываемых догматов, слепое и безоговорочное подчинение адептам, стоящим на высших ступенях иерархической лестницы. [13,15,18] Безусловное подчинение и безукоризненное исполнение всех “приказов” свыше является при этом *гарантом* достижения обещанных благ.

Таким образом, с повестки дня целиком и полностью снимается проблема, являющаяся подчас для мыслящего человека источником многих сомнений и терзаний, – проблема *свободного выбора* со всей его ответственностью за возможные последствия.

Действительно, в ходе анализа феномена “бегства от свободы” Фромм описал социально-психологический тип, для которого свобода оказывается непосильной: мир кажется слишком “опасным”, происходит “бегство” в стереотипизацию. [9] Именно эта категория людей и составляет так называемую группу риска (предрасположенные к рефлексивной блокаде лица).

“Человек перерастает свое первоначальное единство с природой и с остальными людьми, человек становится “индивидом” – и чем дальше заходит этот процесс, тем категоричнее альтернатива, встающая перед человеком. Он должен суметь воссоединиться с миром в спонтанности любви и творческого

труда или найти себе какую-то опору с помощью таких связей с этим миром, которые уничтожают его природу и индивидуальность”, – утверждает Фромм.

Далее мы будем апеллировать к вышеописанным методам психологического программирования, используемым в культовых организациях, и покажем, опираясь на теории рефлексивного управления и математические исследования, что при таком влиянии на человека он лишается возможности свободного выбора, осознания. То есть подобное влияние направлено на закрепление *реактивного способа жизнедеятельности*.

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ДЕСТРУКТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ТОТАЛИТАРНЫХ СЕКТ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ РЕФЛЕКСИИ

Попытаемся теперь взглянуть на обозначенную проблему с точки зрения теории морального выбора, предложенной В.А. Лефевром. [12,14]

Воспользуемся сначала его *булевой моделью биполярного выбора*. Эта модель описывает субъекта, стоящего перед выбором одной из полярных альтернатив, одна из которых олицетворяет для субъекта добро, а другая – зло.

В.А. Лефевром была предложена функция, связывающая *интенцию* (намерение, волю) x_3 субъекта выбрать тот или иной полюс с его реальной *готовностью* A_1 сделать это:

$$A_1 = a_1 + \overline{a_2} \cdot W(x_3, B_3), \quad (1)$$

где “+” обозначает дизъюнкцию, “·” – конъюнкцию, а “ $\overline{}$ ” – логическое отрицание.

Значение функции A_1 отражает *готовность* субъекта выбрать одну из двух альтернатив. Значение $A_1 = 1$ говорит о том, что субъект готов выбрать позитивный полюс, а $A_1 = 0$, что негативный.

Переменная a_1 представляет *настоящее*. Значение $a_1 = 1$ говорит о том, что мир в настоящем позитивен и воздействует на субъекта, склоняя его выбрать позитивный полюс; $a_1 = 0$ означает, что мир в настоящем негативен и склоняет субъекта выбрать негативный полюс.

Переменная a_2 представляет *прошлое*, опыт субъекта, его память о том, каким был мир в аналогичной ситуации в прошлом, либо ожидания субъекта (в отсутствии опыта) относительно того, в сторону какой из двух альтернатив мир будет его склонять в конкретной ситуации. Значение $a_2 = 1$ говорит о том, что мир в прошлом *был* позитивен для субъекта (или субъект *ожидает*, что мир будет оказывать давление в сторону позитивного полюса в сложившихся обстоятельствах), а $a_2 = 0$, что мир *был* негативен (или субъект *ожидает* негативное давление с его стороны).

Прогностическая функция W представляет *будущее*. Значение $W = 1$ интерпретируется как вера субъекта в то, что мир в будущем будет позитивен, а $W = 0$ – как вера в то, что он будет негативен.

Булева функция W зависит от двух переменных: $W = W(x_3, B_3)$. Здесь x_3 есть *интенция* самого субъекта выбрать одну из двух альтернатив. Значение $x_3 = 1$ говорит о том, что у субъекта есть намерение выбрать позитивный полюс, а $x_3 = 0$, – что негативный. Переменная B_3 характеризует партнера, от действий которого зависит исход будущей ситуации для нашего субъекта, с точки зрения последнего. Значение $B_3 = 1$ означает, что субъект полагает, что другой в настоящем выберет позитивный полюс, а $B_3 = 0$, – что негативный.

Понятно, что в рамках булевой модели существует 16 различных функций $W(x_3, B_3)$. Поэтому, моделируя конкретную ситуацию, мы можем определить вид функции $W(x_3, B_3)$ на основе общих соображений, что и будет проиллюстрировано ниже.

Таким образом, мы располагаем моделью, описывающей субъекта, наделенного памятью и способного оценивать последствия своих действий в сложившейся ситуации. Но такое описание субъекта, являясь, безусловно, богатым, позволяющим объяснить многие психические феномены, не позволяет все-таки взглянуть на поведение человека с морально-этической точки зрения, непосредственно выделить процессы, протекающие в ментальной сфере субъекта. В.А. Лефевр сделал попытку извлечь информацию об этом внутреннем субъективном мире человека посредством математического анализа функции (1), описывающей его поведение. [12,14]

Когда в повседневной жизни мы говорим, что некто “осознает” свое поведение, мы предполагаем, что этот субъект имеет образ себя, который в некотором смысле правилен, адекватен. Помимо этого мы принимаем как очевидное, что на человека воздействует внешний мир.

В терминах введенных понятий функция A_1 отражает поведение субъекта, переменная a_1 описывает воздействие внешнего мира на него. Как же математически мы можем ввести понятие *образа себя*, соответствующего взгляду субъекта на свое поведение?

Формула (1) может быть записана в виде композиции

$$A_1 = F(a_1, F(a_2, W)), \quad (2)$$

где $F(x, y) = x + \bar{y}$, причем такое представление (то есть такая функция $F(x, y)$) единственно по доказанной В.А. Лефевром теореме. [12,14]

Если мы обозначим $A_2 = F(a_2, W)$, то получим, что поведение субъекта представлено функцией $A_1 = F(a_1, A_2)$. “Внутренняя” функция композиции (2) $A_2 = F(a_2, W)$ интерпретируется как *образ себя*, который есть у субъекта. При подобной интерпретации субъект функционально одинаково представлен и с внешней точки зрения ($A_1 = F(a_1, A_2)$), и со своей внутренней ($A_2 = F(a_2, W)$), что и отражает факт правильности, адекватности образа себя, имеющегося у него.

Подчеркнем еще раз, что композиция (2) представляет субъекта с точки зрения внешнего, стороннего наблюдателя. Это является реальностью с позиции наблюдателя. В то же время реальным “Я” для самого субъекта является его образ себя $A_2 = F(a_2, W)$. С точки зрения внешнего наблюдателя, этот образ себя является репрезентацией себя субъектом, и уже не имеет для него [наблюдателя] статуса реальности. Для субъекта же в роли такой репрезентации образа себя выступает переменная x_3 , входящая в прогностическую функцию $W(x_3, B_3)$, олицетворяющую собой сложный внутренний мир человека. Этот вторичный (осознанный) образ называется *моделью себя* и уже не имеет статуса реальности для субъекта. Это репрезентация себя с позиции самого субъекта.

Первая переменная функции $F(x, y)$, x , соответствует миру, а вторая, y , – ментальной сфере субъекта. При этом давление мира a_1 , входя во “внешнюю” функцию композиции (2), соотносится с *перцептивной* сферой субъекта, в то время как a_2 , являясь переменной “внутренней” функции $F(x, y)$, отражает *представление* субъекта о давлении мира, то есть играет роль некой психологической установки, отражающей позитивность или негативность его мировосприятия.

И вот сейчас, уже с позиции математической модели, мы можем посмотреть на морально-этический аспект проблемы. Все освещенные выше принципы вербовки в секту, по сути, направлены на создание завышенной оценки себя у человека. На языке нашей модели это означает, что образ себя у субъекта неизменно позитивен: $A_2 \equiv 1$.

Обратим внимание: образ себя у субъекта тождественно (!) позитивен. Человек просто перестает оценивать давление внешнего мира (a_2), перестает задумываться над своим поведением (x_3), добровольно отказываясь от присутствующего ему дара рефлексии в угоду подобному ослеплению, что в конечном итоге приводит к его полному порабощению. Таким образом, с самого начала осуществляется процедура *рефлексивной блокады*.

При этом реальное поведение человека становится напрямую зависящим от посылок окружающей среды: $A_1 = a_1 + \bar{1} = a_1$. При условии *социальной изоляции* внешний мир с его воздействием на субъекта сужается на этом этапе для человека до влияния секты, то есть величина a_1 начинает отражать именно ее давление. Это и предоставляет прекрасную возможность гибкого управления поведением новоиспеченного адепта: его готовность совершить то или иное действие непосредственно совпадает с этим давлением ($A_1 = a_1$).

По мере растворения в небытии старых взглядов и установок у человека формируются новые взгляды, новые принципы, новые модели поведения и мировосприятия. Но формируются они уже не самостоятельно – они навязываются субъекту извне в процедуре *рефлексивного программирования* и принимаются им *некритически*. Это является необходимым условием того, что внутренний “карточный домик” его фантазий, иерархии самодостаточности, в которую адепт вовлечен, не будет разрушен, что он устоит.

Но, тем не менее, человек продолжает жить в мире, в семье. Он не может полностью отвлечься от влияния своего окружения “вне стен” секты. Более того, он приступает к выполнению своей высокой миссии, определенной для него его наставниками или старшими братьями-адептами. Выполнение ее также требует тесных контактов с действительностью, отличной от мира сектанта. Значение величины a_1 определяет теперь давление внешнего мира, вновь расширяющегося на пространство вне секты, но проведенная процедура рефлексивного программирования “защищает” сознание адепта от нежелательных последствий его воздействия.

Мы показали, что в основе принципов *вербовки* в секту лежит воздействие на *образ себя* субъекта. Действительно, контролировать сознание и поведение человека непосредственно навязыванием ему определенной интенции трудно – вряд ли найдется человек, который не попытается отстаивать свою независимость при подобных открытых посягательствах на его личную свободу. Но, будучи вовлеченным в эклектику самозначимости и самодостаточности, субъекту ничего не остается делать, как принять все правила игры и “согласиться” на подобное зомбирование. Таким образом, секта приобретает власть над субъектом на новом уровне – на уровне контроля его интенции (x_3), что и составляет суть процедуры рефлексивного программирования. Проиллюстрируем это.

Отождествим с переменной B_3 секту или ее агентов влияния. Покажем, что прогностическая функция имеет вид

$$W(x_3, B_3) = x_3 \cdot B_3 + \overline{x_3} \cdot \overline{B_3}.$$

Таким образом, мы предполагаем, что субъект оценивает исход какой-либо ситуации позитивно в том и только том случае, если его действия скоординированы с действиями агентов влияния. Человек равно положительно оценивает свой выбор как позитивного, так и негативного полюса, если выбор этого полюса продиктован ему сектой. $W = 1$ тогда и только тогда, когда ($x_3 = 0$ и $B_3 = 0$) или ($x_3 = 1$ и $B_3 = 1$). Действительно, одним из приемов “рефлексивной блокады” является требование от новичка *полного доверия* и *некритичного принятия* новых идеологических или теоретических принципов секты, а затем и полной преданности группе, ее лидерам и идеологии. Агентами влияния негативно оцениваются любые высказывания и действия членов секты, которые расходятся с ее нормативными представлениями. [13]

Определим значения величин a_1 и a_2 , характеризующих мир в настоящем и в прошлом соответственно. Основным приемом, обеспечивающим “социальную изоляцию” новоиспеченного члена секты, является монологичность (объявление “дьявольскими” любых источников информации (СМИ, родителей, друзей)). [13] Подобное внушение приводит к тому, что $a_1 = a_2 = 0$, то есть в глазах адепта окружающий мир (вне секты) приобретает резко отрицательную окраску, более того, имеет место поддержание религиозной ненависти и вражды ко всем, не поддерживающим их веру (например, “Свидетели Иеговы”, “Бе-

лое братство”, в проповедях которого были призывы убивать всех, кто против секты, не жалеть “демонических родителей” [15]).

Таким образом, мы получили следующую функцию:

$$A_1 = 0 + \bar{0} \cdot (x_3 \cdot B_3 + \bar{x}_3 \cdot \bar{B}_3) = F(0, F(0, W(x_3, B_3))).$$

Обратим внимание: образ себя $A_2 = F(0, W(x_3, B_3))$ уже не является тождественно позитивным! К субъекту как бы возвращается потерянная свобода оценивать давление внешнего мира (a_2) и свое поведение (x_3), но возвращается вместе с неприятной необходимостью жить и действовать среди людей, “воинствующе настроенных”, и возвращается в виде очередных установок, внедренных уже на уровне осознания (то есть на уровне внушения x_3), а не сознания (то есть влияния на A_2).

Заметим, что когда человек выполняет свою высокую миссию (то есть когда $W(x_3, B_3) = 1$), его образ себя негативен: $A_2 = F(0, W(x_3, B_3)) = 0$. Таким образом, “выходя в мир”, субъект еще раз “убеждается” в том, что никто на этом свете не способен оценить его возвышенных стремлений и благородного служения, кроме его “братьев-сектантов”. Человек в полной мере ощущает себя страдальцем и пророком, укрепляясь в сознании порочности окружающего мира и правильности выбранного им пути!

Посмотрим теперь, какова будет реальная готовность субъекта выбрать тот или иной полюс в зависимости от внушенной ему интенции. Мы полагаем, что секта уже детерминировала для своих адептов, какая из альтернатив является позитивным полюсом, а какая – негативным.

Пусть сектой планируется акт массового самоубийства. Самоубийство детерминируется как позитивный полюс. Адептам начинают внушать интенцию совершения подобного акта. (“Эти юсмалитяне 12 тысяч душ и сейчас погибнут в качестве жертвы за свидетельство Матери Мира... Готовьтесь к этому, мои дорогие детки. Это ваш долг – омыть кровью своей грехи нечестивого человечества” – гласит призыв “Белого братства”. [15])

Положим, что $B_3 = 1$. Действительно, воздействие, “рефлексивное программирование” всегда осуществляется в группе, где человек автоматически начинает копировать других членов секты, в состав которой входят специально ориентированные агенты влияния. [13] Призыв достигает своей цели: $x_3 = 1$.

Мы получаем, что

$$A_1 = 0 + \bar{0} \cdot (1 \cdot 1 + 0 \cdot 0) = 1,$$

то есть субъект действительно готов совершить самоубийство.

До сих пор мы рассматривали уравнение (1), фиксируя переменные a_1 и a_2 . Действительно, в рамках булевой модели предполагалось, что субъекту, находящемуся перед лицом выбора одного из двух полюсов, известны значения величин a_1 и a_2 . Величина B_3 рассматривалась как параметр модели. Таким образом, детерминируя определенное значение интенции субъекта x_3 , мы мог-

ли вычислить его реальную готовность A_1 выбрать тот или иной полюс. Иными словами, выбор осуществлялся непосредственно *в настоящем*.

В реальности мы часто задумываемся о возможных вариантах своего поведения в некой ожидаемой будущей ситуации, мы моделируем, продумываем свое поведение в зависимости от всевозможных (чаще всего наиболее вероятных) реализаций ситуации, определяющих наш выбор.

В.А. Лефевром была предложена модель, учитывающая это обстоятельство. [12] В рамках этой модели субъект имеет дело с множеством программ выбора полюсов, каждая из которых детерминирует выбор полюса в зависимости от событий, исход которых субъекту пока неизвестен. Выбор одной из таких программ и называется *метавыбором*.

На языке используемых в теории Лефевра понятий это формально означает следующее. Значения переменных a_1 и a_2 субъекту пока *не известны*. Они определятся в будущем, когда настанет реальный момент выбора. Поэтому при метавыборе *готовность* и *интенция* черпают свои значения не из множества булевых значений $\{0; 1\}$, как при биполярном выборе, а из множества булевых функций, зависящих от переменных (!) a_1 , a_2 и B_3 , каждая из которых соответствует некоторой линии поведения.

В процессе метавыбора субъект описывается функцией

$$A_1(a_1, a_2, B_3) = a_1 + \overline{a_2} \cdot W(x_3, B_3), \text{ где } x_3 = x_3(a_1, a_2, B_3).$$

Интенциональному (намеренному, желаемому, планируемому) *метавыбору* соответствует решение функционального уравнения

$$a_1 + \overline{a_2} \cdot W(x_3(a_1, a_2, B_3), B_3) = x_3(a_1, a_2, B_3), \quad (3)$$

где $x_3(a_1, a_2, B_3)$ – искомая функция.

Это уравнение является следствием фундаментального *принципа саморефлексии*, положенного В.А. Лефевром в основу теории. [12,14] В отличие от принципа максимизации полезности (выгоды), традиционно используемого в теориях выбора, принцип саморефлексии предполагает, что субъект стремится генерировать такую линию поведения, при которой устанавливается подобие между ним (A_1) и его осознанным образом себя (x_3). Таким образом, субъект стремится совершить гармоничный, а не рациональный выбор.

Понятно, что интенциональный метавыбор возможен лишь при условии, что уравнение (1) имеет, по крайней мере, одно решение (то есть существует хотя бы одна программа, в соответствии с которой в будущем может быть выбран тот или иной полюс при любых значениях a_1 , a_2 и B_3).

Следует подчеркнуть, что здесь не рассматривается процедура решения уравнения (1) как логический вывод, осуществляемый субъектом. По предположению В.А. Лефевра эта процедура моделирует *автоматический* процесс генерации множества программ биполярного выбора когнитивной системой субъекта.

После того, как когнитивная система субъекта закончила генерацию множества программ $\{x_3^{(i)}\}$, субъект выбирает одну из них, реализуя свою способность к *свободному выбору*. Этот выбор может быть произведен задолго до момента, когда субъекту придется делать реальный выбор, и тогда его действия могут состоять лишь в механической реализации заранее принятого решения.

Вернемся теперь к нашей ситуации. Нетрудно показать, что функциональное уравнение, соответствующее интенциональному метавыбору в рассматриваемом нами случае,

$$a_1 + \overline{a_2} \cdot W(x_3(a_1, a_2, B_3), B_3) = x_3(a_1, a_2, B_3), \quad (4)$$

где прогностическая функция имеет вид

$$W(x_3(a_1, a_2, B_3), B_3) = x_3(a_1, a_2, B_3) \cdot B_3 + \overline{x_3(a_1, a_2, B_3)} \cdot \overline{B_3},$$

не имеет решения. То есть не существует функции $x_3(a_1, a_2, B_3)$, удовлетворяющей уравнению (4).

Иными словами, у человека, попавшего под деструктивное влияние тоталитарной секты, отсутствует не только *свобода выбора*, но и сама возможность гармоничного, внутренне согласованного выбора. При этом оказывается невозможным выполнение принципа саморефлексии, то есть для субъекта в сложившихся обстоятельствах не существует возможности поступить в соответствии со своими стремлениями соответствовать своей модели себя.

Таким образом, мы находим подтверждение того факта, что в результате процедуры рефлексивного программирования субъект приобретает ориентацию на реактивный (не рефлексивный!) способ жизнедеятельности. Человека ориентируют на шаблонные действия в типовых жизненных ситуациях и обязательное обращение к помощи ведущих представителей сект в нестандартных ситуациях, что характеризует именно схему рефлексивного программирования. [13]

Но пусть теперь наш субъект, желая выпутаться из ужасных сетей, в которые попал, совершает акт *осознания*. Формально это означает следующее. В функции $A_1 = \Phi(x_3)$, связывающей интенцию субъекта с его готовностью (или, говоря другими словами, модель себя субъекта с его поведением), делается замена x_3 на саму функцию $\Phi(x_3)$. Таким образом, сам субъект занял теперь позицию внешнего наблюдателя, отразив свое состояние ($\Phi(x_3)$) в модель себя x_3 . [12]

При этом функция $W(x_3, B_3) = x_3 \cdot B_3 + \overline{x_3} \cdot \overline{B_3}$ перейдет в функцию $W^*(x_3, B_3) = x_3$, при которой уравнение (3) разрешимо, и, следовательно, совершив акт осознания, субъект приобретает способность к интенциональному метавыбору. При новой функции W^* возможны четыре программы такого метавыбора (а, следовательно, возможна и свобода выбора!), одну из которых субъект выберет либо до наступления ожидаемой ситуации, либо непосредственно перед тем, как ему надо будет действовать:

$$x_3^{(1)} = a_1 + \overline{a_2}, x_3^{(2)} = a_1, x_3^{(3)} = a_1 + \overline{a_2} \cdot B_3, x_3^{(4)} = a_1 + \overline{a_2} \cdot \overline{B_3}.$$

В нашем случае $a_1 = a_2 = 0$ (мир не склонял субъекта к самоубийству ни в прошлом, ни в настоящем), поэтому $x_3^{(1)} = 1, x_3^{(2)} = 0, x_3^{(3)} = B_3, x_3^{(4)} = \overline{B_3}$. Итак, субъект приобретает *свободу выбора*: он волен либо пойти на самоубийство ($x_3^{(1)} = 1$), либо отказаться от него ($x_3^{(2)} = 0$), поступить либо по примеру агентов влияния ($x_3^{(3)} = B_3$), либо не поддаваться их провокации ($x_3^{(4)} = \overline{B_3}$).

Таким образом, совершая акты осознания, субъект делает прорыв за пределы реактивного способа жизнедеятельности, “включая” рефлексивные процессы и отказываясь от манипуляций извне, ориентируясь на самостоятельные действия в любой жизненной ситуации. [13] Но именно это и возвращает ему свободу выбора со всей ее ответственностью и тягостью – свободу, от которой он бежал и убежище от которой якобы нашёл, “уловляемый льстивыми словами”...

Итак, мы можем подтвердить вывод, сделанный В.Е. Лепским и А.М. Степановым, о том, что психосоциальные технологии для оказания помощи лицам, попавшим под влияние тоталитарных сект, должны базироваться на механизмах “разрыва” жизнедеятельности в составе секты (исчезновение $x_3^{(3)}$ и $x_3^{(4)}$, зависящих от B_3 , несмотря на то, что $W(x_3, B_3)$ после акта осознания эффективно от B_3 уже не зависит) и актуализации собственно рефлексии (процессов осознания). [13]

ВЫВОДЫ

Н.А. Бердяев в своей работе “Смысл творчества” справедливо отметил основные черты сектантской психологии: “Секта хочет спастись сама, она не хочет спастись с миром. В психологии сектантства есть *самопогруженность, самодовольство, самоудовлетворение*. Сектантская психология презирует мир и всегда готова обречь большую часть мира на гибель, как что-то низшее”. [21]

Действительно, мы показали, что в основе психологического воздействия, осуществляемого в секте, лежит принцип удовлетворения человеческого стремления к самодостаточности, понимаемой именно как самодовольство и самоудовлетворение. Насыщая потребность субъекта к ощущению его самозначимости дешевыми трюками, зачастую без обращения к гипнозу и прочим средствам парапсихологического влияния на человека, секты успешно вербуют в свои ряды новых и новых последователей.

Выход при этом видится только один: *актуализация процессов осознания*, позволяющих человеку трезво оценивать давление окружающего мира и свое место в нем. К последнему мы относим укрепление социальных связей человека в обществе (и, одновременно, разрыв жизнедеятельности в составе секты), а также достижение субъектом состояния истинной внутренней свободы, когда он не является рабом своих собственных страстей и фобий, идя на поводу у ко-

торых, он и отказывается от трезвого осмысления действительности, понижая свой уровень психического состояния до реактивного, подсознательного восприятия.

В заключение пользуюсь приятной возможностью поблагодарить Г.Г. Малинецкого и А.В. Подлазова за помощь при подготовке настоящей работы. Особую признательность хочется выразить М.Е. Бахиревой, П.В. Емельянову и А.В. Корнеевой за ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения затронутой проблематики.

Литература

1. Бангерский А. Франция объявила войну сектам// НГ-религия. 20 июня 2000 г.
2. Зимбардо Ф., Ляйпне М. Социальное влияние. – СПб.: Издательство “Питер”, 2000. – 448 с.
3. Каптен Ю.Л. Тайны Агни-Йоги или анатомия фальсификации. – СПб.: Издательство Общества духовной и психической культуры, 1996. – 423 с.
4. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 206 с.
5. Лепский В.Е., Степанов А.М. Рефлексивное управление в тоталитарных сектах/ Рефлексивное управление. Сборник статей. Международный симпозиум 17-19 октября 2000 г., –М.: изд-во “Институт психологии РАН”, 2000. С. 51-60.
6. Почепцов Г.Г. Психологические войны. – М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2000. – 528 с.
7. Рубинштейн С.Л. Человек и мир /Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. С. 253-381.
8. Русакова Е.Л. Зависимость и подчинение авторитету: варианты моделей/ Модели мира. – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997. С.207-226.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990.
10. Щедровицкий Г.П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности/ Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. – М.: Стройиздат, 1975.
11. Singer M.T., Ofshe R. Thought reform programs and the production of psychiatric casualties. *Psychiatric Annals*, 1990, 20.
12. Лефевр В.А. Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – 426 с.
13. Лепский В.Е., Степанов А.М. Особенности рефлексивных процессов в культовых организациях// Рефлексивные процессы и управление. – М.: Когито-центр, 2002. №2, Т.2.
14. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: Когито-центр, 2003. – 496 с.
15. Справочник “Религии и секты в современной России”. <http://www.nevskiy.orthodoxy.ru/center/sprav/index.html>
16. Анисимова С.А. Рефлексивные модели субъекта, совершающего моральный выбор. ИПМ им. М.В. Келдыша РАН, 2003. Препринт №60.
17. Анисимова С.А. Линейно-квадратичная модель рефлексивного выбора// Рефлексивные процессы и управление. – М.: Когито-центр, 2003. №2, Т.3.
18. Архимандрит Лазарь. Грех и покаяние последних времен. О тайных недугах души. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2003. С. 86.
19. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
20. Пермяков А. Психологический портрет тоталитарной сети. <http://www.samtel.ru/~orthodox/Portret.htm>
21. Н.А. Бердяев. Философии свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. С. 379-381.